

ЕГО ВОЗРАСТ был почетным, а душа — очень молодой... Что-бы снова ощутить это, давайте только вспомним несколько названий: «Семеро смелых», «Комсомольск», «Учитель», «Молодая гвардия», «У озера», «Любить человека», «Дочки-матери»... Если собрать вместе комсомольцев от тридцатых до восьмидесятых годов, то, наверное, каждое поколение в героях этих лет узнает себя. Потому что их создатель — Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и Государственных премий СССР, народный артист СССР Сергей Аполлинариевич Герасимов — всегда был с теми, кого страна посылала, говоря словами песни из его фильма, «штурмовать далеко море»...

В разные годы мне доводилось встречаться с режиссером, и на память о наших разговорах остались его слова на магнитофонной ленте. Собранные сейчас, спустя время, воедино, они сложились в готовое интервью.

Энциклопедически образованный, маститый, знаменитый, он был очень легким в общении, уважал чужое мнение, хотя оно и не всегда совпадало с его собственным. После выхода на экраны фильма «Журналист» я высказал Сергею Аполлинариевичу некоторые претензии по поводу главного героя картины. Этот герой, журналист Алябьев, вызывал во мне активное чувство протеста. Очень уж странно складывалась его судьба. Помните: в общем-то заурядный молодой человек, он сначала две недели вяло разбирал в уральском городке обычную клевету, а потом непонятно за какие успехи отправился в дальний вояж: Женева, Париж... Международная конференция, артистический кабак, ночные Елисейские поля, даже почему-то релатации Мирей Матье... Допускаю мысль, что есть газетчики, которые живут таким образом, но вот какую долю процента они составляют от нашей братии? Стоит ли потом удивляться по поводу бутафорики легенд о «развесе́лой» журналистской работе. Если уж есть в фильме истинный журналист, так это коллега Алябьева из провинциальной газеты — Реутов...

Все это я и высказал знаменитому режиссеру при той встрече, причем весьма запальчиво. Сергей Аполлинариевич улыбнулся:

— Работая над фильмом, я об этом думал. И все же решил показать вот такого, если хотите, современного Растинька. Да, Алябьев далеко не идеален, но человек он способный, и характер у него сложный. Поначалу все у парня складывается вроде бы просто: школа, институт международных отношений, столичная газета... В общем, вертится пестрая карусель. Но постепенно профессия куёт характер Алябьева. Жизнь его чеканит, заставляет подтянуться до нашего революционного века... А рядом в фильме другой жур-

налист, из провинциальной газеты — Реутов. Я их рассматриваю в определенных связях. «Журналист» — это они оба, и Алябьев, и Реутов, хотя второй, как и вам, мне тоже ближе и симпатичнее...

Задумчиво перелистывая номер «Советского экрана» с кинокадрами из «Журналиста», Герасимов размышлял вслух:

— По-моему, Никоненко играет Реутова очень точно. Мне нравятся весь «состав», как говорил Достоевский, этого человека: его спокойный юмор, его серьезное отношение к своему труду, его срывы и его тайное и глубокое увлечение. Он свобо-

Сергей ГЕРАСИМОВ:

«ИЗВЛЕКАТЬ ИЗ ПРОЗЫ ЖИЗНИ ПОЭЗИЮ»

ден от трескучего пафоса. За его спокойствием — сложная натура, не отмеченная, казалось бы, никакими героическими чертами, но очень близкая к настоящей героике реальной жизни. Для меня люди типа Реутова представляют наибольший интерес. Я знаю их. Они выполняют свое дело с глубоким убеждением, что они нужны и полезны времени, народу, стране. Они не стесняются ни «громких», ни «тихих» понятий. Если надо, найдут и громкое слово. Если не надо — зря трещать не будут. Это серьезные люди. И они есть во всех сферах жизни...

При другой нашей встрече разговор зашел о том, что в тридцатые годы на советском киноэкране были актеры (Тамара Макарова, Любовь Орлова, Николай Крючков, Петр Алейников), которые создавали определенный социальный тип героя — молодого человека той эпохи. Сейчас это редкость. Почему?

— Очевидно, потому, — отвечал Герасимов, — что с той поры все весьма усложнилось. Общество стало сложнее, дифференцированнее. И среди молодых наблюдается не унификация, а свободное развитие натур, в чем много противоречивого. В молодом сознании сильно критическое начало. Это надо учитывать кинематографистам всех возрастов... Героический характер сегодняшнего нашего искусства органически связан с передовыми идеями века, с практикой коммунистического строительства. Герой — слово в высшей степени требовательное, взыскательное и непременно аккумулярующее в себе главные черты времени. Юноши и девушки, воспитанные в тридцатые годы, до конца понимали

свой общественный долг, и про-верку они прошли самую строгую — войной. Сегодня иные жизненные обстоятельства, они рождают и иных героев. Что это за люди? Несомненно одаренные, способные к быстрой и точной оценке жизненных явлений, умеющие сопоставлять факты и делать на их основе глубокие обобщения. Это люди социально зрелые, широких гражданственных горизонтов. Такое сочетание и делает их крупными, заметными личностями. А испытание на прочность они проходят тоже неплохо — и на Крайнем Севере, и на тюменских просторах, и в других местах, где требуются не только сильные руки, но и сильный характер...

Показываю Сергею Аполлинариевичу статью одного кинокритика, в которой утверждается, что Герасимов — режиссер «не очень экономный», что много в его фильмах «разговоров». Лично я с таким мнением не согласен, мне эти «разговоры» интересны. Ну а моего собеседника подобные отзывы не смущают? И слышу в ответ:

— Расслоение общества — процесс естественный. Какая-то часть зала принимает мои ленты, какая-то — нет. Есть детективы, кино развлекания и есть кино психологического исследования жизни. Меня интересует именно такое кино, и здесь без «разговоров» обойтись сложно...

Интересуюсь, кто из молодых режиссеров моему собеседнику наиболее импонирует, кто, на его взгляд, ближе к «почерку» Герасимова. На этот счет у мастера нет однозначного ответа:

— Трудно сказать. Не надо ждать от своих учеников того, что делал сам. На уроках режиссуры постоянно предостере-

гаю своих воспитанников, говорю им, что совсем не хочу, чтобы передо мной сидело пятнадцать или двадцать маленьких Герасимовых. Вот и читать я люблю многое — от Шекспира до Агаты Кристи, включая и Гёте, и Пушкина, и Достоевского, и Толстого. Так же и в кино: хорошие картины, абсолютно не похожие на мои, вызывают интерес. Допустим, ленты Шукшина или Панфилова... И ученики мои тоже очень разные — от Бондарчука до Кобахидзе с его удивительными «Зонтиком» и «Свадьбой». А Салтыков — с «Председателем» Мансуров, Сегель, Губенко...

Мастерскую во ВГИКе мы с Тамарой Федоровной Макаровой ведем совместно. Тамара Федоровна больше занимается с актерами, я — с режиссерами. Считаю полезным, что и те, и другие воспитываются вместе, под одной крышей, сохраняя в дальнейшем верность нашей школе. Главный принцип этой школы, ее нравственная суть — интерес и уважение к человеку. Да, в центре нашей режиссуры — человек. Именно человек, а не режиссерский прием, эгоистичное желание создателя фильма похвастаться перед зрителем. Надо ставить перед собой более серьезные цели...

Допустим, сила одного режиссера — в концентрированном внимании на человеке, который поставлен в обостренную драматическую ситуацию. А я поступаю иначе. Я считаю: вся жизнь есть драма, но драма не в бытовательском истолковании этого понятия; мол, вся жизнь идет сквозь скорбь и слезы. Дело в том, что вся жизнь человека — от рождения до смерти — это система сложнейших конфликтов, где каждый новый день ста-

вит нас перед новыми обстоятельствами бытия, которые не могут являться постоянными. Как нельзя каждый день отдавать силы максимально, так нельзя и от драматургии требовать постоянного напряжения. Это нарушает закон пропорции, и зрительный зал утомляется. Получается девальвация эмоций, чувств. По-видимому, саму жизнь надо рассматривать как драматургию, исследовать ее. И извлекать из прозы жизни поэзию.

Любит ли он заново смотреть собственные фильмы? Усмехается:

— Специально этого не делаю, но если по телевидению вдруг покажут, честно говоря, приятно. Вот недавно «Учитель» посмотрел с радостью... Несколько лет назад реставрировали «Комсомольск», и на юбилей премьеры я получил приглашение в Комсомольск-на-Амуре. Кстати, та поездка заставила меня вернуться к теме города будущего, что вскоре и воплотилось в фильме «Любить человека»... А заново выпущенную «Молодую гвардию» впервые показали студентам МГУ, и нынешняя молодежь встретила ее взволнованно. Но ярче всего в память и сердце врезалась демонстрация этого фильма на Кубе: пять тысяч студентов, сжав кулаки, смотрели на экран, утановленный на площади. Это было как манифестация, и почувствовал, что старая картина о молодоговардейцах продолжает борьбу...

Потом Сергей Аполлинариевич долго и тепло рассказывал о нрвых учениках:

— Мы с Тамарой Федоровной присматриваемся к ним пристально. Впрочем, так происходит всегда. Например, характер Лены Барминой в картине «У озера» родился от наблюдений за Наташей Белохвостиковой. Помню, говорил ей тогда: «Я пишу роль, поглядывая на тебя. Если будешь хорошо себя вести, то эту роль сыграешь». Так же случилось с Жанной Болотовой в фильме «Люди и звери»...

В ту пору Герасимов готовился к съемкам фильма «Дочки-матери». Озабоченно поведал: «Отпускаю на картину год, на больший срок просто не имею права — возраст обязывает спешить».

Он успел еще снять и дилогию о Петре Первом, и картину «Лев Толстой», в которой к тому же сыграл главную роль.

В эти дни Сергею Аполлинариевичу исполнилось бы восемьдесят...

Лев СИДОРОВСКИЙ

Фото автора